

Т. И. Ерохина¹**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ЭТИКИ»**

В современной языковой картине мира существует ряд дефиниций, обращение к которым стало приметой времени и своего рода трендом: харрасмент, абьюз, канселинг, дайверсити, газлайтинг, сталкеринг, буллинг и др. СМИ, интернет-пространство, экранная культура периодически «взрываются» новыми скандалами и дискуссиями, перманентно поддерживая интерес не только массовой аудитории, но и научного сообщества к указанным понятиям и явлениям. Содержательное наполнение терминов, правовые и этические аспекты их трактовки, разнообразные практики (судебные, художественные, повседневные), раскрывающие различные аспекты этих понятий, становятся предметом анализа и выражением позиций экспертов и заинтересованной публики.

В этом ряду особое место занимает феномен «культуры отмены» («культуры запрета», канселинга), который (как, впрочем, и все указанные выше понятия) рассматривается в контексте «новой этики». Пространство Интернета, являясь социально-коммуникативной средой, а также средством формирования общественного мнения, репрезентирует нам множество проектов и дискуссионных площадок, центром внимания которых стала «культура отмены»: «Афиша Daily», Lenta.Ru, «ВКонтакте», Пикабу и другие ресурсы предлагают свои версии осмысления «культуры отмены». Ежемесячное издание «СоциоДиггер», на страницах которого обсуждаются наиболее значимые, с точки зрения редакторов, темы, в 2022 году выпустило специальный номер «Российский синдром отмены», на страницах которого эксперты анализируют исторический, социальный, политический дискурс культуры отмены².

Осмысление культуры отмены происходит на разных уровнях: генезиса и терминологического аппарата, смыслового наполнения и способов репрезентации, историко-культурных и социокультурных контекстов, ментальных установок и политических дебатов.

¹ Первый проректор Ярославского государственного театрального института им. Ф. Шишигина, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор культурологии, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, Заслуженный работник ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры» (в соавт.), «СССР в достижениях и катастрофах. Размышления по случаю 100-летия» (в соавт.), «Советское бытие: от укоренения до преодоления» (в соавт.), «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.), «Массовая культура: российский дискурс» (в соавт.) и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Член Президиума Российского культурологического общества, член ФУМО по культурологии, член Российского профессорского собрания, член коллегии Департамента культуры Ярославской области. Отмечена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² См.: СоциоДиггер. 2022. Март-апр. Т. 3, вып. 3–4 (17) : Российский синдром отмены.

Принимая во внимание, что в научном знании культура отмены неоднократно становилась предметом специального изучения, выделим наиболее характерные, на наш взгляд, тенденции осмысления феномена «канселинг» в современной культуре, которые свидетельствуют об онтологически значимых сдвигах в отечественной культуре.

Прежде всего, культура отмены связана с пониманием «новой этики». Не обращаясь специально к анализу ее положений (поскольку «новая этика» в нашем исследовании представлена как контекст функционирования культуры отмены и была ранее рассмотрена автором³), отметим, что достаточно жесткая корреляция канселинга с «новой этикой» имеет принципиальное значение в осмыслении этого феномена. Значимость эта обусловлена тем, что возникает не только устойчивая ассоциативная связь, способствующая появлению определенного тождества понятий (культура отмены как достояние «новой этики», средство внедрения «новой этики» в общественное сознание и социокультурную практику⁴), но и своего рода новый культурный код, в рамках которого культура отмены не существует вне «новой этики», а та, в свою очередь, не может быть внедрена при неприятии культуры отмены.

В этой связи важно подчеркнуть, что культура запрета рассматривается в системе ценностей «новой этики» и, как следствие, наделяется свойственными ей чертами: она должна стать механизмом консолидации общества, требующим от личности соблюдения определенных законов (прежде всего этических), нарушение которых ведет к коллективному порицанию; базируется на понимании жертвы и насилия (как правило, канселингу подвергаются личности, которые были обвинены в насилии физическом, психическом, расовом, и теперь социум применяет своего рода насилие по отношению к ним, вычеркивая их из своего сообщества); требует ориентации на мнение меньшинств (например, сексуальных). Таким образом, в продолжение теории «новой этики» культура отмены базируется на попытке выделить нравственные ориентиры, которые должны лечь в основу понимания личности и общества, поскольку «старая этика доказала свою несостоятельность в решении актуальной проблемы нравственности современного человека»⁵.

При этом важнейшим основанием рассмотрения культуры отмены в контексте «новой этики» становится амбивалентность истолкования базовых понятий, которые раскрывают сущность и механизмы канселинга. Так, заявленные в «новой этике» толерантность и дайверсити (в качестве принятия разности и непохо-

³ См.: Ерохина Т. И. «Новая» и/или старая этика: метаморфозы антиутопии // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 246–248.

⁴ См.: Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. С. 241–259.

⁵ См.: Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. URL: https://mir-knig.com/read_378665-20 (дата обращения: 26.05.2023).

жести людей) оборачиваются жесткой агрессией и навязыванием определенной точки зрения. Подчеркнутая индивидуальность и значимость каждой личности оборачиваются коллективным преследованием этой самой личности в случае ее нежелания разделить новые ценности. Ретроспективный характер «новой этики», ориентированной на исправление ошибок прошлого (например, рабовладельческое прошлое Америки), разделяет и культура отмены, для которой нет понятия «срок давности».

Возникает еще одна тенденция осмысления культуры отмены, связанная с ее ретроспективным характером: культура отмены соотносится с культурной памятью, точнее — с попыткой ее переформатирования. Рассматривая пространство культуры как пространство памяти (Ю. М. Лотман), мы обнаруживаем, что канселинг (как и «новая этика») коррелирует с феноменом креативной памяти, которая «сохраняет прошедшее как пребывающее»¹. Еще более значимыми в понимании механизмов действия культуры отмены становятся феномены постпамяти и контрпамяти, поскольку они позволяют определить векторы трансформации канселинга. «Постпамять» является основанием ретроспективного характера культуры запрета, поскольку связана с пониманием культурной травмы: «Постпамять описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, которым подверглось поколение предыдущее; к тому, что они „помнят“ только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли»².

Таким образом, современное поколение молодых людей, не испытывавших на себе насилия, тягот прошлого, невзгод, вызванных порицаемыми обществом явлениями (расизмом, рабством и др.), требует тем не менее сатисфакции на основании сформированной постпамяти. При этом механизм культуры запрета становится не сохранение памяти о культурной травме (чего следовало бы ожидать), а забвение, «стирание из памяти», которое доходит до абсурдных форм (например, «отмены» Аристотеля как философа, оправдывающего рабство³). Показательным примером действия механизма отмены памяти становится повсеместно распространяющаяся практика сноса памятников личностям, чья биография не соответствует «новой этике», переименование улиц и городов. Опасность канселинга в аспекте культурной памяти заключается в том, что он может привести к формированию контрпамяти — противопоставленной коллективной памяти, предлагающей альтернативную версию исторических событий, отрицающей общепринятые представления о прошлом⁴, что мы наблюдаем в случае с попыткой трансформации памяти о Второй мировой войне.

¹ См.: Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] // Избр. ст. : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. С. 201.

² См.: Хирш М. Что такое постпамять / пер. К. Харланова. URL: urokiistorii.ru/node/5327 (дата обращения: 26.05.2023).

³ См.: Чугуров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 92.

⁴ См.: Хаттон П. Х. История как искусство памяти. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php (дата обращения: 26.05.2023).

Еще одна тенденция осмысления канселинга связана с существенными изменениями, которые произошли в современной культуре. Исследователи отмечают, что феномен культуры отмены в его современном виде не отделен от цифровых коммуникаций. При этом цифровые коммуникации, интернет-пространство становятся не только механизмами распространения культуры отмены, но и во многом — ее основанием. Обусловлено это тем, что общественное мнение, необходимое для канселинга, формируется и передается посредством цифровых технологий. При этом мы снова отмечаем дуалистичный характер содержания культуры отмены в контексте новых форм коммуникации. Культура отмены позиционирует себя как наиболее яркое выражение свободы слова, для которой не имеют значения ни статус, ни материальное благосостояние, ни возраст, ни заслуги человека, подвергнутого остракизму. Создается иллюзия идеального общества, в котором свобода слова не имеет границ, в том числе благодаря сложившемуся феномену информационной культуры, способствовавшей формированию «общества публикаторов» («...если XX век был массовым обществом потребителей, то сейчас, особенно с появлением соцсетей, все стали публикаторами, авторами. И если прежде автор годами, десятилетиями добивался права на высказывание, то сейчас право на высказывание — это ваш поход в ближайший магазин связи и покупка смартфона»⁵).

Вместе с тем возникает ситуация, при которой свобода слова оборачивается тоталитарным требованием цензуры, поскольку произнесенное в случае его несоответствия с положениями новой этики приводит к феномену запрета личности-публикатора (автора). Не случайно еще в 2020 году 150 писателей подписались под открытым «Письмом о справедливости и открытых дебатах», в котором была обозначена позиция несогласия с культурой отмены, ограничивающей свободный обмен информацией, дебаты и споры. М. Эпштейн назвал данную ситуацию появлением «полицейской мысли», отрицающей свободу мысли и слова, как если бы та была преступлением.

Кроме того, культура отмены таит в себе еще одну проблему: она фактически отменяет презумпцию невиновности, переводя ее в «презумпцию виновности», поскольку в коммуникативном пространстве каждого человека, сформированном на протяжении его жизни, с большой долей вероятности можно обнаружить высказывание, которое может быть истолковано в контексте «новой этики» как неприемлемое и недопустимое в современном обществе. Британский профессор Эдвард Скидельский сказал по этому поводу, что в наше время каждый, имевший неосторожность сколько-нибудь полемически высказаться по таким вопросам, как трансгендерность, раса, инвалидность, политическая ситуация на Ближнем Востоке, рискует не только остаться без работы, но и подвергнуться угрозам и оскорблениям, если не предстать перед судом. Более того, современная культура отмены демонстрировала случаи, когда выдвинутые обвинения не были доказаны в процессе судебного разбирательства, но обвиняемый уже подвергался «отмене». Таким образом, кан-

⁵ Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. Указ. соч. С. 248.

селинг может быть рассмотрен как вариант произвола и замены свободы слова новым тоталитаризмом (как и «новая этика»).

Следующая тенденция, заслуживающая нашего внимания, связана с обращением к генезису феномена «культуры отмены». Показательно, что практически все исследователи, обратившиеся к осмыслению канселинга, отмечают, что в той или иной форме культура отмены уже существовала в истории общества. Как правило, генезис ее связывают с остракизмом¹ (известным со времен Античности), обращаются к психологическим основам канселинга как форме бойкота² и т. д. Парадоксальным при этом является стремление авторов, с одной стороны, обозначить «древние» исторические корни культуры отмены, наличие которых придает определенную основательность (прецедентность, традиционность) данному явлению, а с другой — подчеркнуть, что канселинг — феномен XX века. Содержание современного понимания культуры отмены складывалось в 1990-е годы и приобрело популярность в 2010-е благодаря конкретным событиям: началу кампании #MeToo и активности движения Black Lives Matter³. Возникает двойственная установка в понимании генезиса феномена культуры отмены: оправдание наличия самого явления, присущего истории человечества в целом, и вместе с тем наполнение его иным содержанием, связанным с «новой этикой» и социокультурной ситуацией XX века. Более того, современные авторы предлагают осмысление культуры отмены, акцентируя внимание, прежде всего, на ситуации сегодняшнего дня: попытке отмены русской культуры как наказания, которое должна понести Россия вследствие конфликта с Украиной.

Именно этот контекст становится одним из самых дискуссионных в осмыслении культуры отмены. Попытка проанализировать канселинг объективно, не выделяя негативных (как и позитивных) коннотаций, предпринятая исследователями в 2010–2020-х годах, в ситуации сегодняшнего дня приобретает новую трактовку: «культура отмены» превратилась в «отмену культуры»⁴, что подчеркивает субъективность, неправомерность и тупиковый характер данного явления. Оставляя в стороне дискуссии о символическом и «реалистическом» содержании «отмены русской культуры» в современной социокультурной ситуации, отметим, что спецификой канселинга в отечественной культуре становится формирование движения контрканселинга, которое подкреплено следующими факторами.

¹ См.: *McDermott J.* Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together // NYTIMES [сайт]. 2019. Nov. 2. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture> (дата обращения: 26.05.2023).

² См.: *Петрановская Л.* Отмена реальности // Социодиггер. 2022. Март-апрель. Т. 3, вып. 3–4 (17) : Российский синдром отмены. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2022/04/sociodigger_17_cancel-culture_042022.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

³ См.: *Кузнецов Г., Ступко М.* Культура отмены: история и современность // Там же.

⁴ См.: *Путин В. В.* Обращение к работникам сферы культуры // Российская газета. 2022. 28 марта. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 26.05.2023).

Прежде всего, неприятие культуры отмены, по мнению лингвистов и психологов, наиболее ярко выражено в том, что в русском языке комплекс понятий, так или иначе связанных с культурой отмены, обозначен иностранными словами: русский язык, прибегая к иноязычным заимствованиям — буллинг, харассмент, абьюзер, толерантность и многие другие, — тем самым словно обозначает эти явления как «иностраные»⁵, в разговоре о «новой этике» чаще всего используются англицизмы. Например, сталкеринг, газлайтинг и др. Отсутствие адаптированных терминов усложняет понимание стоящих за ними процессов⁶.

Еще более значимо то, что культура отмены не относится с отечественным социокультурным кодом, для которого характерно стремление к построению тернарной модели культуры (что не соответствует бинарной модели канселинга, частично рассмотренной выше). Более того, ставя под сомнение новизну понятия «новая этика», отметим, что положения культуры отмены (несмотря на ее исторические аналоги, в том числе и в русской культуре) вступают в конфликт с многими традиционными российскими ценностями, необходимость сохранения которых была сформулирована в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁷ (документе, который, в свою очередь, тоже стал ярким примером контрканселинга в отечественной культуре).

Наиболее репрезентативно трансформация восприятия канселинга продемонстрирована в статье «Культура отмены: причины трудностей развития в России», авторы которой выделяют семь факторов, свидетельствующих, что канселинг не органичен для России, а также объясняют причины, которые делают бесперспективным внедрение культуры отмены (в том виде, в котором она позиционируется в контексте «новой этики») в отечественную практику⁸.

Отмечая динамику и трансформацию векторов осмысления феномена канселинга в отечественном гуманитарном знании, подчеркнем, что культура отмены — явление, развитие которого продолжается (что обнаруживается, в частности, в появлении новых форм канселинга — экономического, политического, спортивного). Вместе с тем культура отмены, являясь частью «новой этики» и аккумулируя в себе многие ее характеристики, не получила широкого распространения в отечественной культуре, более того, вызвала к жизни контрканселинг, который представлен как в социокультурных, художественных, повседневных практиках, так и на уровне государственной политики.

⁵ См.: *Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С.* Указ. соч. С. 252.

⁶ См.: *Омельченко Е.* Новая этика: о чем сегодня так спорят? // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/ilir/news/443019538.html> (дата обращения: 26.05.2023).

⁷ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=0&rangeSize=1>.

⁸ Культура отмены: причины трудностей развития в России / А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев [и др.] // Власть. 2022. № 3. С. 65–69.